

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Исследования по грамматике русского литературного языка. Сб. статей.—М., Изд-во АН СССР, 1955. 336 стр. (Ин-т языкознания АН СССР).

При всех различиях между статьями рецензируемого сборника как в объеме и глубине исследования, так и в тематике и общей направленности их объединяет то, что все они «представляют собой результат изучения и обработки новых материалов» (стр. 3). Большой новый и интересный материал — это положительная сторона книги. Тематика сборника разнообразна. Он открывается группой статей, посвященных вопросам словообразования.

Статья Е. А. Земской «Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке» (стр. 5—41) исследует явление видовой непарности глаголов в связи с особенностями префиксации в них. В статье дается перечень и анализ словообразовательных групп одновидовых глаголов совершенного и несовершенного видов. Отсутствие параллельной формы другого вида у этих глаголов автор объясняет «несовместимостью лексического значения глагола со значением одного из видов» и убедительно доказывает, что это свойство глаголов создается спецификой тех смысловых оттенков, какие вносят в них приставки — одни или в сочетании с суффиксами.

Наблюдения автора над устной речью предстали записями многочисленных индивидуальных неологизмов, непринужденно и легко создаваемых в процессе бытового общения по образцу продуктивных словообразовательных моделей. Эти записи иллюстрируют мысль автора о том, что «категория одновидовых глаголов в русском языке является обширной и живой» (стр. 5). Они значительно ярче, чем литературные примеры, показывают и те значения, которые связаны с той или иной словообразовательной моделью.

Но исследование Е. А. Земской не лишено недостатков, в известной степени снижающих ценность работы. Автор недостаточно учитывает случаи двувидовости глаголов в тех словообразовательных разрядах, каким обычно или часто свойственна одновидовость. Вследствие этого в статье без всяких оговорок зачисляются в одновидовые глаголы таких словообразовательных моделей, в рамках которых есть и некоторое (иногда значительное) количество двувидовых. Ср. глаголы с приставками *вы-*, *от-*, имеющие значение тщательности и интенсивности действия: *выписывать тщательно каждую букву* — *выписать тщательно каждую букву*; *вырисовываться* — *вырисоваться*; *откалывать шутки* — *отколоть шутку*. Согласиться с Е. А. Земской в том, что слова *выписать*, *отколоть* и подобные не могут иметь данного значения, нельзя, так как это противоречит их естественному осмыслению и частой употребительности.

В работе указывается одна причина создания двувидовых образований — осложнение глагола «какими-либо дополнительными семантическими оттенками, совмещающимися со значением несовершенного вида» (стр. 33). Но уже из содержащегося в работе материала очевидно, что эта причина не единственная. Так, например, для случаев типа *выкидывать* — *выкинуть* (номер), *откалывать* — *отколоть* (шутку) можно предположить, что причиной появления параллельной формы является выстреливание и затемнение значения приставки. Эти примеры показывают, что степень отчетливости значения приставки существенна для видообразования глагола. К сожалению, в работе нет наблюдений над этим явлением. В одном ряду, без расчленения по степени выделенности и значимости приставки, даются все слова с той или иной приставкой, например слова с начинательным значением приставки — *заволноваться*, *загордиться*, *задремать*, *замлеть*.

В статье Н. С. Авиловой «Глаголы с суффиксом *-ова-* и его вариантами *-прова-*, *-изирова-*, *-изова-* в русском языке» (стр. 42—72) рассматриваются продуктивные модели суффиксального глагольного образования, распространенные в кругу иноязычных по происхождению, преимущественно интернациональных слов. В работе прослежено значение глаголов, образованных при помощи названных суффиксов, и их соотношение с неизменяемыми и производными однокоренными именами существительными. В статье автор показывает, что глаголы, образованные от иноязычных основ, припо-

сабливаясь к системе русского языка, не только получают оформление одного из продуктивных классов, но и входят в определенные семантические разряды, связанные с указанными суффиксами.

Гораздо менее убедительно доказывается в работе наличие разграничения функций между отдельными суффиксами в исследуемом материале. Только для суффиксов *-ивова-*, *-изирова-* это освещено с необходимой полнотой и доказательностью. Поэтому кажется не вполне аргументированным положение автора о том, что «целесообразность существования в русском языке глаголов с суффиксом *-ова-* и его вариантами доказываются разграничением их функций и развитием на их основе новых словообразовательных глагольных типов, наметившихся среди русских глаголов с суффиксом *-ова-*» (стр. 72). Можно возразить и против употребляемого в статье выражения «суффикс *-ова-* и его варианты». Что такое «варианты суффикса»? Как видно из содержания статьи, Н. С. Авилова называет так ряд суффиксов, образовавшихся вследствие морфологических процессов на базе одного суффикса и до некоторой степени сохраняющих единство общего значения, хотя и развивающих известную специализацию функций. Но при таком понимании уместен ли этот термин?

Выделение тех или иных разрядов не всегда оправдано. Так, в глаголах *вульгаризировать*, *иммунизировать*, *модернизировать* и под., с одной стороны, и *деморализовать*, *реализовать*, с другой, трудно увидеть разные по значению словообразовательные типы: при суффиксе *-изирова-* — со значением «превращать в то или делать тем (таким), что означает производящая основа» (стр. 72), при *-ивова-* — со значением «подвергать воздействию того, что означает производящая основа или соотносительное имя» (стр. 72). Соотносительные имена существительные на *-ция* имеются при глаголах обоих разрядов, и их значение и семантическая связь с глаголами совершенно одинаковы (ср. *вульгаризировать* — *вульгаризация*, *реализовать* — *реализация*).

К рассмотренным двум статьям примыкает работа Е. Т. Черкасовой «К изучению образования русских отыменных предлогов» (стр. 73—139), в которой показан один из путей пополнения класса предлогов в русском языке. Материалом для наблюдений здесь служат памятники деловой и художественной литературы XVII—XIX вв. Е. Т. Черкасова выделяет два разряда отыменных предлогов — предлоги, восходящие к существительным, «лексические значения которых указывают на грамматические значения, выражаемые предлогами» (*во время, по причине, вследствие, в отношении и т. п.*), и предлоги, восходящие к существительным, «лексические значения которых не указывают на грамматические значения, выражаемые предлогами» (*в течение, в силу, насчет*). Исследование убедительно показывает, что при образовании предлогов обоих этих разрядов происходят большие изменения в значении бывших имен существительных, становящихся предлогами, но они не одинаковы: в словах второго разряда этот процесс начинается с метафорического переосмысления существительного, вследствие чего оно получает необходимое для образования предлога релятивное значение. Изменения в значении ведут за собой изменения способности слова сочетаться с другими словами, поэтому в статье тщательно прослеживаются сдвиги в кругу тех существительных, которые употребляются при том или ином из складывающихся предлогов.

В результате анализа, проведенного на большом материале, автору удается достаточно полно осветить историю образования отдельных предлогов (особенно удачно изложена история возникновения предлога *ввиду*) и сделать некоторые общие выводы о существе и характере данного процесса. Работа отличается большой обстоятельностью и тщательностью в подборе и изучении материала. В то же время нельзя не признать, что статья, которую автор сам называет «предварительным экскурсом в еще мало изученную область грамматики», не дает полного решения вопроса. В значительной степени это объясняется неразработанностью ряда теоретических положений, которые являются необходимыми или существенными для данного исследования.

Таков прежде всего вопрос о соотношении лексического и грамматического в значении предлогов. Как справедливо указывает автор, ясности в нашей науке по этому вопросу нет. Нет ее и в данной статье. Позиция автора не отличается ни четкостью, ни последовательностью. В работе ясно не сформулировано, в чем автор видит основное различие между предлогами и существительными в отношении их значения. Поэтому некоторые суждения о том, что то или иное сочетание не является предлогом (*на предмет, во имя, в ходе*) или является им (*в пользу, в лице*), воспринимаются как субъективные, не имеющие достаточных оснований, так как изменение значения в сторону большей абстрактности — критерий, которым пользуется автор — можно обнаружить во всех этих сочетаниях. Отсутствие ясности в вопросе о характере значения предлогов проявляется и в таком очевидном противоречии: усматривая отличие отыменных предлогов от простых в том, что первые сохраняют лексические значения (см. стр. 73), автор работы вместе с тем говорит о лексических значениях и для простых предлогов (см., например, стр. 74).

Исследование закономерностей образования отыменных предлогов могло бы быть

полнее, если бы в нем более широко применялось сопоставление близких по функции предлогов — как складывающихся отыменных, так и первообразных, вместо которых начинают употребляться отыменные. Это дало бы возможность более тонко и точно определить те отношения, которые передаются разными предлогами, и раскрыть характер изменений в семантической системе русского языка, происходящих в связи с появлением новых предлогов.

*

Вторая группа статей посвящена вопросам учения о словосочетании. Обе помещенные здесь работы объединяют одинаковое понимание словосочетания как номинативной единицы, выдвинутое в ряде трудов акад. В. В. Виноградова.

Статья Н. Н. Прокопoviча «К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний» (стр. 140—158)¹ строится по композиции, немногословна и очень четка по изложению. В ней прослеживается влияние словообразовательных связей слов на построение словосочетаний, приводящее к тому, что словосочетания производных слов полностью повторяют модели словосочетаний производящих слов (*торговля хлебом*), или, получая собственную конструкцию, повторяют характер отношений, свойственный словосочетаниям производящих слов (*покупка хлеба*). Совершенно правильно выделяются в работе семантические разряды отглагольных существительных, которым свойственно повторять модели и характер отношений производящих слов: слова со значением действия-процесса и названия лиц по действию. Влияние словообразовательных связей автор справедливо видит и в однотипности словосочетаний, главные слова которых связаны общностью основ, но находятся между собой в ясных отношениях производного и производящего слова (ср. *вамах рукой — вамахнуть рукой*).

Решительное возращение вызывает только утверждение Н. Н. Прокопoviча о том, что однотипность словосочетаний типа *калитка в сад, скамья у реки, лужайка перед домом, коричневый от загара*, с одной стороны, и *идти в сад, сидеть у реки, ходить перед домом, покраснеть от смущения* — с другой, объясняется опосредствованным, косвенным влиянием словообразовательных связей имен с глаголами (см. стр. 142, 157—158).

Несомненно, что в современном языке этот чрезвычайно продуктивный тип словосочетаний (особенно в именах существительных) существует совершенно самостоятельно. Однотипность именных и глагольных словосочетаний в этом случае объясняется тем, что сам автор называет «обобщением слабоуправляемых связей», т. е. тем, что для выражения ряда обстоятельственных отношений словосочетания, образованные словами, отосланными к разным частям речи, строятся по одной и той же модели, с одним и тем же предлогом и падежом зависимого слова. Иными словами, в этом типе словосочетаний структуру определяет характер отношений между компонентами. Между тем Н. Н. Прокопoviч рассматривает обобщение слабоуправляемых связей как второстепенное явление, которое только поддерживает влияние словообразовательных связей.

Думается, что Н. Н. Прокопoviч неправомерно расширяет понимание словообразовательных связей и их влияния и не различает с необходимой последовательностью изучение фактов современной системы словосочетаний русского языка и истории ее.

Работа В. М. Филипповой «Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке» (стр. 159—205) содержит описание одного из интереснейших видов словосочетаний. Основное внимание в статье уделяется преимущественно глагольным словосочетаниям, но имеются некоторые замечания и относительно именных словосочетаний. При описании материала автор стремится «выявить соотношения лексических и синтаксических значений между членами таких словосочетаний, а также проследить некоторые явления, связанные с функционированием изучаемого типа словосочетаний в предложении» (стр. 159.)

Заключительная обобщающая часть статьи менее интересна и полна, чем можно было ожидать, читая описание отдельных конструкций. Так, если сравнивать словосочетания временного значения с другими, выражающими иные виды обстоятельственных отношений, то нельзя не заметить, что правила образования первых имеют очень своеобразный и сложный характер, в то время как правила образования словосочетаний пространственного, причинного, целевого значения более типизированы.

В словосочетаниях, выражающих временные отношения, наблюдаются разные виды связанности, ограниченности зависимой, определяющей части: а) в ряде конструкций (например, винительный падеж с предлогом *в*) многие существительные употребляются только при наличии у них какого-либо определения (самого разнообразного характера): *гулять в лунную (ясную, морозную и т. д.) ночь, уехать в весеннее (дождливое, солнечное и т. д.) утро*; б) в ряде конструкций многие существительные употребляются только при наличии у них строго ограниченных определений: *вспоминать*

¹ Печатается повторно (см. ВЯ, 1953, № 6). Различие между двумя редакциями совершенно незначительно.

всю (целую) жизнь, рассказывать весь (целый, каждый) вечер, размышлять по целым часам. Связанность второго типа — лексико-синтаксическая, сочетания существительных с ограниченным, очень узким кругом определений приближаются к фразеологическим оборотам. Связанность же первого типа — чисто синтаксическая, поэтому застывания, стандартизации сочетания существительного с определением там не происходит. Эти два различных вида связанности не разграничиваются В. М. Филипповой. Не отмечается в выводах также типичная для данного вида словосочетаний частая фразеологизация и превращение падежных форм существительных с предлогами в наречия. Недостаточно внимания уделяется при описании отдельных конструкций тому, какой круг существительных употребляется в той или иной из них. Делаются только указания общего характера на семантический разряд существительных.

Интересны наблюдения над тем, как вид и время глагола определяют границы его возможности образовывать словосочетания с временным значением. Однако к этим наблюдениям нужно сделать одну поправку. В работе недостаточно учитывается семантическое разнообразие глаголов совершенного вида, в частности особенности той их группы, в которую входят глаголы, обозначающие действие как известную длительность. Детерминативные глаголы могут употребляться в некоторых таких конструкциях, в которых другие глаголы совершенного вида невозможны: *погулять с часок, проболтать около часу, помолчать минуту*. Автор отмечает эту особенность только у глаголов с приставкой *про-*, в отношении конструкций с беспредложным винительным, связывая ее с переходностью глаголов, а не со специфическим видовым оттенком (см. стр. 166—167, 200—201).

К сожалению, не рассматривается в работе вопрос о смысловых соотношениях разных конструкций. Каждая из них описывается в своем значении отдельно от других, поэтому место ее в общей системе словосочетаний с временным значением остается неясным. Эта сторона вопроса в исследовании совершенно не разработана.

Достоинством работы является то, что от словосочетаний отделяются такие конструкции, которые возникают (в соответствии с моделями словосочетаний или строятся по особым моделям) в предложении. В. М. Филиппова в своей статье одна из первых начала конкретное рассмотрение вопроса о взаимодействии словосочетания и предложения; однако эта часть работы осталась неразвернутой.

Характеризуя ту или иную конструкцию как свойственную строю предложения, а не словосочетания, автор никак не доказывает этого. Справедливо считая, что конструкции типа *мальчиком я был в этих местах* возникают при построении предложения, В. М. Филиппова не рассматривает как однородные с ними конструкции *он до восемнадцати лет жил в деревне, к двадцати годам я поумнел*. А между тем во всех этих случаях обстоятельство времени одинаково связано не только с глаголом-сказуемым, но и с подлежащим: время определяется по возрасту лица.

Очень интересны замечания автора о характере синтаксических связей между компонентами в словосочетаниях с временным значением. Характеризуя их в большинстве случаев как слабое управление, В. М. Филиппова выделяет некоторые конструкции, отмечая, что отношения в них нельзя подвести под понятия управления (даже слабого) или примыкания. Так углубленное изучение словосочетаний действительно требует пересмотра традиционных понятий о видах подчинительной связи и накапливает для этого материал.

Третью группу образуют статьи, посвященные некоторым вопросам учения о предложении. Самая обширная по объему и содержащемуся в ней фактическому материалу из этого цикла — работа Н. Ю. Шведовой «Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке (Наблюдения и материалы)» (стр. 247—341). Автор исходит из следующих основных теоретических положений. Сказуемое — член предложения, который «сосредоточивает в себе комплекс специфических, возникающих только в предложении, временных, модальных, экспрессивных значений» (стр. 247). Такие значения образуют два слоя. Первый слой составляют заложенные в самой форме глагола-сказуемого временные и модальные значения, связанные с глагольными категориями наклонения и времени; второй слой образован разнообразными оттенками, наслаивающимися на эти значения в предложении. Значения второго слоя и средства их выражения и составляют предмет статьи. При отборе материала для наблюдений автор опирался на положение о том, что между модальными типами предложений в книжной и разговорной речи существует большое различие. Н. Ю. Шведова считает разговорную и письменную речь двумя основными функциональными разновидностями языка (стр. 249), существенно различающимися в области синтаксиса. Отбор материала ведется так, чтобы он давал возможность судить об особенностях значений глагольного сказуемого и форм выражения их именно в разговорной речи. В основу классификации и описания материала положен семантический принцип: деление проводится по характеру выражаемых разными конструкциями смысловых оттенков сказуемого.

В работе немало спорных положений, вызывающих замечания и возражения. Вряд ли, например, целесообразно объединять (как это сделано автором) наблюдения над простыми предложениями, с одной стороны, и сложными предложениями и предложениями, имеющими несколько сказуемых, — с другой. В сложных предложениях и очень близких к ним предложениях с несколькими сказуемыми при одном подлежащем функции модальных слов и частиц очень отличны от их функций в простом предложении. В предложениях этого типа они обычно являются необходимым структурным элементом. На «полусоюзный» характер их вынуждена указывать и Н. Ю. Шведова. Некоторые значения, которые в статье приписываются сказуемым, в действительности являются важнейшим элементом значения всего сложного предложения или предложения с однородными членами (см. стр. 267, 270, 280, 299—310).

В работе слишком широко понимаются границы класса частиц. Частицами нередко называются знаменательные слова, являющиеся членами предложения, например слова *совсем*, *ни за что*, *больше* в предложениях: *Она совсем не ест мясного?* (стр. 275); *Ни за что не выплыву* (стр. 305); *Говорил мало. Больше слушал, что говорили другие* (стр. 310). Очевидно, не только частицы, но и знаменательные слова могут образовывать с глаголами-сказуемыми соединения, в которых на значение глагола накладываются дополнительные временные, модальные и экспрессивные оттенки.

Спорно отнесение некоторых конструкций в тот или иной семантический разряд, иногда необдуманно описание отдельных значений; оно кажется основанным на лексической стороне глаголов-сказуемых [см., например, указание на значение нежелательного, неодобряемого действия в предложениях типа *Вот и надурачился* (стр. 301)].

В целом, однако, работа оставляет впечатление очень интересной по новизне материала и проблематики.

Статья Т. Г. Винокур «О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи» (стр. 342—355) перекликается со статьей Н. Ю. Шведовой в своем исходном тезисе. Для Т. Г. Винокур разговорная речь — «функционально-стилистическая разновидность общенародного языка», имеющая целый ряд синтаксических особенностей. В статье названы и показаны на материале некоторые специфические особенности диалогической речи: синтаксическое продолжение первой реплики второй репликой (*—И прав.— Только наполовину*), эллиптическое построение ответной реплики, включающей только один член предложения (*—Где ты купил цветы? — На рынке*), общий параллелизм синтаксического строения связанных по смыслу соседних реплик (*—А мне сказали, что тебя вызвали куда-то.— Соврали*).

Т. Г. Винокур поддерживает новое понимание «неполных» предложений, выдвинутое И. А. Поновой. Так, из наблюдений над диалогической речью автор делает следующий вывод: «Словия непосредственного диалогического общения приводят к тому, что большинство синтаксических единиц диалога представляет собой особые структуры, типичные только для разговорной речи в определенной ситуации, всегда достаточные для взаимопонимания говорящих и, следовательно, полны, так как они удовлетворяют требованиям основной функции языка — коммуникативной» (стр. 350).

Но эта правильная мысль несколько затемняется высказанным автором неверным предположением о том, что вопросы и ответные реплики объединяются «как бы в одно распространенное предложение». При этом указывается на конструкции такого типа: *— Ты масло переложила? — В большую банку*. Если считать модальность обязательной чертой предложения, то нельзя согласиться с объединением двух совершенно различных по модальности реплик в структуре одного предложения. Подобная же ошибка делается и при анализе связанных вопросно-ответных реплик, повторяющих (с разрывом) структуру сложного предложения (*А если я вам скажу, что от дружбы со Скакуновым я очень далека? — То я вам скажу о себе то же самое*). Возможность разных модальных планов частей, как в приведенном здесь примере, говорит о том, что нельзя объединить их в одном сложном предложении.

Таким образом, обе рассмотренные работы данной группы на разном материале и с разных сторон показывают своеобразие строя предложения в разговорной речи.

Статья Н. С. Поспелова «Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке» (стр. 206—246) по характеру освещенных в ней вопросов также в известной мере связана с синтаксисом предложения. Вводная часть статьи представляет попытку раскрытия и конкретизации известного положения о предикативности как комплексе грамматических категорий модальности, времени и лица, характеризующих предложение. В этом плане очень интересны наблюдения, показывающие тесную связь модальных значений с временными (Н. С. Поспелов считает возможным говорить о единой синтаксической категории времени-наклонения) и с категорией лица. Такие наблюдения встречаются на протяжении всей работы.

Но центральную задачу статьи составляет разграничение прямого и относительного употребления форм времени и описание того и другого по отношению к формам настоящего и будущего времени. В этой работе с большей определенностью и более развернуто, чем в опубликованных ранее работах Н. С. Поспелова, формулируется понимание прямого и относительного употребления форм времени. В основу их разли-

чения кладется понятие объективного «настоящего» — «широкого временного синтеза, в котором непосредственно реализуется объективная действительность и глагольное действие прикрепляется к субъекту действия» (стр. 245). С этой точки зрения как прямое употребление форм времени рассматриваются все случаи, когда значение форм времени «сводится к простому указанию на непосредственное отражение в высказываемом реализуемой, реализованной или подлежащей реализации объективной действительности» (стр. 212). Относительное же употребление рассматривается как большее или меньшее поглощение собственно-временных значений синтаксическими значениями одновременности или неодновременности по отношению к тому временному плану в прошлом и будущем, который рассматривается как фокус отражения действительности в языке» (стр. 245).

Исходя из этого понимания, автор рассматривает значение и употребление форм настоящего и будущего времени, отделяя прямое употребление от относительного. Эта часть работы содержит много новых интересных наблюдений (особенно в характеристике настоящего времени), снабженных большим количеством иллюстраций.

Однако не всегда разграничение употребления форм времени, выдвигаемое автором, вполне убедительно. Так, недостаточно ясно определены границы между теми явлениями, которые Н. С. Пospelов называет «настоящее изобразительное» и «настоящее описательное». Примеры, иллюстрирующие эти значения формы настоящего времени, в некоторой своей части совершенно однородны (ср. стр. 220 и 227). Не раскрыто в работе с достаточной ясностью соотношение между значением формы времени и ее многообразным применением в различных контекстах.

Термином «значение формы времени» (настоящего или будущего) обозначаются очень различные явления (ср. значение «раскрытого» или «нераскрытого» настоящего и значение «описательного» или «повествовательного» настоящего).

Статья Н. С. Пospelова занимает особое место в книге. Она гораздо более теоретична, чем все другие работы, входящие в сборник. Поэтому в ней иное соотношение между описательной и обобщающей частью: в статье преобладает теоретическое рассуждение, сопровождающееся широким критическим обзором литературы вопроса. Автор строит свои выводы не только на основе собственных наблюдений, но и привлекает исследования других языковедов, в том числе кандидатские диссертации, материал которых, с сожалением, все еще очень мало используется в научных работах обобщающего характера.

В целом сборник должен быть оценен как очень полезная и удачная книга, обогащающая науку новыми фактами и наблюдениями в области мало изученных вопросов, актуальность которых была подчеркнута в последних по времени дискуссиях общетеоретического характера и обсуждениях очередных задач советского языковедения.

В. А. Белошапкова

Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I, II, III (2 Lief.). — Heidelberg, 1950—1955.

Еще лет тридцать назад школьные грамматики обычно состояли из «этимологии» и «синтаксиса». Этимология обозначала учение о звуках, частях речи и формах слов, и среди русской интеллигенции господствовало представление, что «этимологическим» называется словарь, в котором слова расположены не по алфавиту, а по «корням» или «гвоздям». Такими «корнесловами» являются, в сущности, и все три издания «Толкового словаря» В. Даля.

Однако специалисты-языковеды уже давно понимают под «этимологическим словарем» алфавитный перечень по возможности всех — как коренных, так и производных — слов данного языка с указанием их первого появления в письменности, изменения их форм и значений, их происхождения и истории и т. д. на основании данных исторической грамматики и сравнительного языковедения. Из старых русских словарей под это определение подходят только словари Н. В. Горяева и А. Г. Преображенского¹, но они, конечно, очень далеки от идеала.

Репенируемый словарь М. Фасмера принципиально мало чем отличается от словаря Преображенского. Он также основан на сравнительно-историческом методе, реконструирующем формы индоевропейского, праславянского и других праязыков. Однако М. Фасмер пользуется этим методом гораздо более последовательно и с несрав-

¹ См. М. Н. Петерсон, О составлении этимологического словаря русского языка, ВЯ, 1952, № 5.